

Е. А. Цуканов

Мир в руках «благородных» рыцарей: гностический краш-тест от Дон Кихота Ламанчского

В работе делается попытка осуществления анализа великого романа Мигеля Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» с подключением к логике гностицизма, концептуальные схемы которого, судя по всему, были применены в тексте произведения в качестве шифра и иносказания. Мизантропический гностический контекст предоставляет возможность альтернативного прочтения перипетий сюжета и кардинальной переоценки поступков главных героев. Их поведение перестает восхищать читателя и наполняется принципиально разрушительными смыслами. Актуальность подобного перепрочтения классики диктуется велениями современности, которая заставляет перепрограммировать отечественную ментальность, фундированную донкихотством.

Ключевые слова: гнозис, гностицизм, Дон Кихот, девиация, бытие, реальность, добро, зло, краш-тестирование.

Для цитирования: Цуканов Е. А. Мир в руках «благородных» рыцарей: гностический краш-тест от Дон Кихота Ламанчского // Art Logos (искусство слова). – 2022. – № 4. – С. 164–175. DOI 10.35231/25419803_2022_4_164

Кто исправление зла себе за цель поставил...

Сонет

Да, ваша милость, право слово, сущий дьявол...

Санчо Панса – Дон Кихоту

А кто хочет быть ничтожеством, пусть им и остается.

Дон Кихот – Санчо Пансе

Краш-тестом (англ. crash test) в современном автомобилестроении обычно называют преднамеренное аварийное испытание техники на столкновение. Его осуществляют на специально подготовленных стендовых площадках, воспроизводящих ситуацию аварии с целью выявления уязвимых позиций в оснащении машины и выяснения уровня повреждений. Результаты краш-теста позволяют устранить обнаруженные в процессе эксперимента недостатки автомобиля, тем самым усовершенствовав выпускаемую продукцию, заметно повышая ее безопасность и прочность. В каком-то смысле краш-тест – это своеобразная инженерная гонка за ускользающим идеалом, попытка перепрыгнуть из имеющегося состояния бытия в должное, практическая и рискованная реализация утопии.

На самом деле, под определение краш-теста хорошо подходят также феномены, относящиеся и к социогуманитарной сфере. Например, чем не краш-тест закончившийся неудачей выпускной экзамен, или потерпевшая фиаско проверка на прочность отношений между двумя любящими сердцами, или, скажем, истовое, но неудачное конструирование некоего идеального объекта политической природы, типа демократии, коммунизма et cetera? Но в приведенных примерах важен не искусственно организованный крах какого-то предприятия сам по себе, а преодоление инерционности жизненных обстоятельств ради выхода к новым возможностям, ради самосовершенствования. Исправляя ошибки и недоразумения предыдущих проваленных кейсов, субъект получает возможность двигаться дальше – закрывает, к примеру, сессию, успешно вступает в брак, или, как справедливо отмечает Эрих Фромм [15], разочаровавшись в эфемерных правах и свободах, начинает дорожить элементарным порядком и обязанностями.

ми. Еще раз подчеркнем, что главное здесь – не аффективное счастье от проводимого опыта, но итоговый результат, который должен быть конструктивным и поучительным. Нет ведь никакого толку от преднамеренной ломки автомобиля самой по себе, хотя, вероятно, нашлось бы немало поклонников данной процедуры, получающих девиантное удовольствие от скрежета, лязга и звона терзаемого металла и разлетающегося вдребезги стекла. Но это, как говорится, очевидно мортальная установка сознания [14], которой, в принципе, должны заниматься специалисты в области психиатрии.

В истории человечества неоднократно фиксировались прецеденты даже массового помешательства подобного рода, когда в целых регионах планеты доминантным вдруг становилось разрушительное мировоззрение, возводимое, к тому же, в ранг благородной концептуальности. О таких минорных мировоззрениях Лев Гумилев отзывался как об антисистемах [2, с. 342–346], способных аннигилировать огромные социальные общности и целые государства. Они, разумеется, представляли повышенную опасность для человеческой цивилизации, в связи с чем борьба с антисистемами всегда велась самая бескомпромиссная. В качестве примеров подобных деструктивных мировоззрений можно привести учения персидских исмаилитов, болгарских богомилов и французских катаров (альбигойцев), общей идейной платформой которых, как утверждают исследователи, был гностицизм, как правило атрибутируемый в качестве антихристианской ереси [11, с. 132].

Гностики исходили из того, что мир априори устроен не лучшим образом, будучи местом, в котором присутствует и торжествует весь спектр зла – опасности, скорби, беды, напасти, страдания и смерть. Объяснение этому факту в гностической среде давалось радикально-экстравагантное: автор наличного мироздания – не настоящий всемогущий Бог, но божество средней руки, самозванно взявшее на себя функции Бога и, как следствие, создавшее кособокое недобытие, а не зону витального комфорта и радости. Этого узурпатора гностики именовали Демиургом. В его космостроительном проекте принимает активное участие энное количество существ понижее, архонтов, а также женоподобный отблеск

небесного Абсолюта в лице падшей Софии Ахамот (мятежной премудрости, вывалившейся из трансцендентной полноты-плеромы) [3, с. 189]. Гностицизм с большим скепсисом взирает на судьбы рода людского, сотворенного из пылевидного вещества, некондиционного праха земного, полагая, что каждый отдельный человек в его телесной оболочке – недоразумение, нуждающееся в исправлении, способом которого выступает знание (гнозис) о том, что бытие – гиблое и бессмысленное место, жалкая имитация подлинности [5, с. 303]. Впрочем, данное знание доступно отнюдь не всем, но лишь малой толике избранных, наделенных духовной природой (пневматики), а большинство, которое состоит из людей душевных (психики) и грубо материальных (гилики), обречено на беспробудно скотское существование, достойное принудительного уничтожения [10, с. 113]. Отметим этот нюанс в свете предстоящего разговора о Дон Кихоте и его знаменитых рыцарских подвигах.

Гностицизм широко распространился на Ближнем Востоке и в Северной Африке в I–III вв. н.э., перекинувшись в дальнейшем через Средиземное море на Европейский континент, став бродильным ферментом любой революционности, нестроения и протеста. Часто данный протест носил извращенно-мистические формы, подразумевая запрет на продолжение рода, послушание светским и религиозным властям, любые виды созидания [4]. Характерными маркерами гностицизма являются: интенсивный поиск эзотерического знания через умерщвление или же, наоборот, разнуждывание плоти, ненависть к универсуму и отвержение общепринятых норм морали, самопревозношение, доходящее до мании величия. Насчитывается более восьмидесяти номинаций гностицизма [13, с. 109–111], включая василидиан, валентиниан, карпократиан, николаитов, симониан, назореев, офитов, каинитов и др. Есть точка зрения, согласно которой именно гностицизм ответственен за нивелирование роли христианства в период так называемого ренессанса. Отменяя христианский консерватизм, носители гностического сознания в Новое время создают науку и просвещение, делая ставку на самоубийственный прогресс [7].

Роман Мигеля де Сервантеса Сааведры «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» хоть и написан в эпоху, когда с откровенными формами гностицизма было уже покончено, поскольку отгремели альбигойские и гуситские войны, а исмаилиты с каинитами были изрядно запаматованы публикой, тем не менее он, как нам представляется, содержит серьезный гностический компонент, учитывать который необходимо. От этого зависит не только релевантная интерпретация самого текста произведения, но и (что важнее) адекватное понимание множества нигилистических тенденций, действующих в современной культуре.

Начнем разговор с описания стандартной, умиленно-романтической, трактовки поведения крепко связанной пары рыцарствующих героев книги – сеньора Дон Кихота Ламанчского и его оруженосца Санчо Пансы. Стандартно считается, что они в своих приключениях несут заряд преобразования окружающей действительности, честно сражаясь со всевозможными нестроениями жизни, защищая сирых, покровительствуя обидимым, помогая страждущим. Светлый преобразовательный флер этого странствующего тандема вдохновлял многих известных российских интеллигентов, в частности, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, Н. В. Гоголя, Ф. Сологуба, А. Платонова [1], а непререкаемое добро, якобы исходящее от них, издавна внедряется в подкорку общественного сознания через школу и кинематограф. Это вполне объяснимо и уместно, если не вдаваться в подробности и детали предложенного Сервантесом нетленного нарратива. Однако если попытаться просеять мысли великого испанца через сито гностической мировоззренческой матрицы, картина получается несколько иная – не совсем благостная. Мы предлагаем представить милого в своей непрактичности Рыцаря Печального Образа как отъявленного и воинствующего гностика. Благо, что оснований для этого у пытливого аналитика хоть отбавляй.

По самым скромным подсчетам с использованием комбинации клавиш Ctrl+F оказалось, что на страницах первого тома «Хитроумного идальго» выражающие упаднический дух гностицизма словечки «невзгоды» и «напасти» встречаются несколько десятков раз в различных семантических

и синонимических версиях. Это довольно серьезный показатель, поскольку известно, что любое литературное произведение в принципе строится на двух-трех стержневых «несущих» понятиях, выражающих фундаментальный авторский месседж аудитории, по аналогии с блоковским «всякое стихотворение – покрывало, растянутое на остриях нескольких слов». Так вот, разнообразные и всевозможные злополучия, случающиеся буквально на каждом шагу с нашими фигурантами, фактически затмевают и Дон Кихота, и Санчо Пансу, превращаясь в настоящий лейтмотив сочинения, на котором, как на струне, исполняется нужная автору музыка. Куда бы ни обратил свой взор Дон Кихот, везде ему мерещится какое-то нестроение или подвох, или еще какая каверза, с которой необходимо срочно вступить в бой, ибо все зачаровано и заколдовано тайными волшебниками, лукаво управляющими миром. То это почему-то кажущиеся герою неучтивыми купцы из Толедо [12, с. 66–67], то заплутавший в дороге цирюльник с блестящим тазом на голове [12, с. 271], то, наконец, происки испанской полиции Санта Эрмандад, выписавшей ордер на его арест [12, с. 711–715]. Чуткое ухо услышит в горячечной подозрительности главного героя намек на работу армии гностических архонтов, слуг Демиурга, по поддержанию параллельной, ущербной и мнимой реальности, которая коверкает своей прелестью чистое и нерушимое сверхбытие. Дон Кихот, если отказаться от примитивного взгляда на него как на патологического лжеца с комплексом Мюнхаузена, словно призван писателем к нещадному разоблачению этой подмены и разгрому туманного наваждения, явленного во множестве репрезентативных эпизодов. «Нет на свете ничего верного», – звучит девизом реплика, брошенная незадачливым Санчо [12, с. 184]. А раз так, то мир – в труху! Крушить и ломать – это, так сказать, «святая» цель Дон Кихота: «...а заодно я буду подражать и доблестному дону Роланду, когда он по следам у источника догадался, что прекрасная Анджелика обесчестила себя с Медором: тогда он с горя лишился ума, стал вырывать деревья, мутить воды прозрачных ручьев, убивать пастухов, истреблять стада, поджигать хижины, рушить дома, уводить кобылиц и проделывать тысячи других безумств, достой-

ных вечного прославления историков» [12, с. 348]. Никого не жалко и ничего не жалко. Интересно, чем данный императив отличается от условного «кодекса чести» солдата зондеркоманды, нещадно сжигающего жителей несчастной Хатыни? Отметим на полях, что эсэсовцы, позиционировавшие себя как «доблестных воинов», тоже ведь, между прочим, рыцари... *Sui generis*.

Повторимся, воспринимаемое органами чувств бытие для Дон Кихота, в худших гностических традициях, – абсолютнейший трэш (с англ. trash – мусор, хлам, дрянь), и поэтому с ним не престало церемониться, как, собственно, и с самим собой. Регулярно подставляясь под удары судьбы, ламанчский рыцарь и его спутник (по примеру каких-нибудь каинитов или карпократиан, которые выступали за намеренное прекращение любого дыхания, в рамках изначально порочной реальности) будто стремятся прорваться по ту сторону добра и зла, теряя при этом здоровье [12, с. 230], захлебываясь рвотой [12, с. 229] и истекая кровью [12, с. 703]. Нужно понимать, что для Дон Кихота наличное бытие – не результат катастрофы (христианская система координат), а сама воплощенная катастрофа (гностическая модель). Мир существовать не должен. Отсюда вытекает логическое требование карать и уничтожать как экстравагантное мизантропическое кредо. Перед нами неумолимые всадники апокалипсиса, только не в христианском, а в гностическом стиле. Благородные в силу своей горделивой самопревознесенности над миром ненавидимой ими обывательщины и глупости. Это род пневматической брезгливой спеси аристократа в отношении забитых и затравленных низов. Какими только уничижительными эпитетами не пользуется Дон Кихот в целях дискредитации встречающихся у него на пути простодушных плебеев-гиликов из сукновалов, козопасов, трактирщиков, владельцев гостиниц, а также прочей «сволочи» [12, с. 183] и «сброда» [12, с. 180]: «Пойдите-ка сюда, подлые и низкие людишки! Так вы называете разбойником с большой дороги того, кто отпускает на свободу закованных в цепи, освобождает узников, помогает несчастным, поднимает павших, заступается за обездоленных? О низменные существа, ваш жалкий и презренный ум недостоин того, чтобы небо открыло вам величие стран-

ствующего рыцарства! В каком грехе и неведении пребываете вы!» [12, с. 717]. Но замечательно и то, что достается в этом ругательном речитативе и оруженосцу, который, по идее, должен бы восприниматься как соратник и правая рука своего «неотмирного» рафинированного хозяина. Для Дон Кихота Санчо – «...болван, бездельник, деревенщина», «подлый мужлан» [12, с. 459]; «...вор, прощальга» [12, с. 584]; «...низкий негодяй, бесчинный, непристойный, невежественный, косноязычный, сквернослов, наглый клеветник и сплетник! <...> чудовище, склад лжи, сундук обманов, погреб плутней, сочинитель козней, распространитель вздора» [12, с. 725].

По всей видимости, возомнивший себя пневматиком Дон Кихот (а за его спиной, вероятно, и сам Сервантес) в своем воображении ведет брань с ложной, с его точки зрения, визуализацией мира, созданного некомпетентным квазибожеством. Онтологически резонно поставить вопрос о том, действительно ли этот мир настолько никчемен или же он – только плод чьего-то воспаленного воображения? Если второе, тогда классическая литература неимоверно опасна, поскольку, согласно теории Бруно Латура [8, с. 288], подключает (англ. to plug in) к болезненному бреду многомиллионные контингенты читателей. На самом же деле, через данный механизм столетиями подспудно ведется рекрутирование легионов потенциальных боевиков, обладающих свирепой установкой на жизнь как подлежащее ликвидации бытие «наперекосяк».

Есть еще один важный смысловой ориентир, свидетельствующий о том, что перед нами, несомненно, гностическое произведение. У гностиков было принято измерять метафизический хронотоп зонами, очень растянутыми временными отрезками, приравниваемыми по длительности к нескольким тысячелетиям [10, с. 154]. Эон – это долгий век, имеющий старт и обязательный финиш, после которого все начинается снова в формате дурной бесконечности. Несовершенная эоническая структура пространственно-временного континуума, в который погружена человеческая история, также служит четким индикатором энтропийности любого актуального существования, т.к. мир в логике меланхолического гнозиса, как мы помним, создан как попало и шиворот-навыворот. Мигель де Сервантес, транслирующий через свое-

го «Хитроумного идалго», на наш взгляд, типично гностическую парадигматику, часто сосредотачивается на мысли об «отвратительности века» [12, с. 600], в котором-де выпало совершать свои славные подвиги Рыцарю Печального Образа, что может распознаваться нами как тонкий полунамеком на хмурую эоничность вселенной, присущую мировоззрению писателя.

Однако, чтобы с уверенностью утверждать о приверженности Сервантеса гностическому учению, необходимо привести хотя бы какие-то внятные аргументы. К сожалению, мы не обладаем информацией о том, что создатель яркого образа Дон Кихота принадлежал к какой-нибудь гностической секте, наподобие испанских алюмбрадос [17], сочувствуя их деятельности. Однако некоторые детали богатой и пассионарной биографии писателя дают аналитику право с осторожностью предположить возможную интоксикацию его сознания гностической доктринальностью. К примеру, перенесенный с немалыми тяготами в бытность Сервантеса военным, алжирский плен мог повлиять не только на его творческий почерк, но и на фатальное переформирование идеологической позиции в сторону явной регрессии. Мы говорили, что эпицентром рождения гностицизма стал север Африки, географически включающий Египет, Тунис, Марокко и Алжир. Косвенно о наличии интеллектуальных симпатий Сервантеса к гностицизму может также говорить и факт метафорической принадлежности Дон Кихота к ордену рыцарей Круглого Стола, миф о которых, созданный в XII веке авторами т.н. куртуазных романов [6], включал латентно-гностические аллюзии, перекочевавшие в дальнейшем в область литературы о тамплиерах [16].

Таким образом, в случае с сервантесовским «Дон Кихотом» мы имеем дело предположительно с текстом гностической интенциональности и настроения, в котором главный герой может быть уличен в стремлении осуществить онтологический камбэк по методике импровизированного краш-теста, предполагающего испытание мира ударами на прочность, что прекрасно вписывается в сценарий гностического неприятия бытия как бракованного изделия, вышедшего из рук ряженого божества. Дон Кихот, в связке со своим помощником заня-

тый на протяжении всей книги разбоем и криминалом, – это, скорее, мрачный хтонический тип, а его рассуждения о светоносности и светозарности – компенсация за вынужденное служение тьме. Стремясь к высокомерно-пневматическому идеалу гностицизма, он действует в качестве сознательно-го хаотизатора реальности, как бы избавляющего ее от груза пустых условностей и обременений, однако реальность про-кликает своего «избавителя» устами «спасенного» им маль-чика [12, с. 482], раскусившего хладнокровную отстранен-ность не такого уж и благородного рыцаря.

Необходимо также отметить, что роман Сервантеса прекрас-но прижился на русской культурной почве, на какое-то время став мощным инструментом, выковывавшим отечественную ментальность. О том, что донкихотство как феномен проник-ло во все поры русского национального характера, включая даже искусство участия в политике, говорить излишне, однако с учетом обнаружения в тексте романа сильных гностических токов, стоило бы, наверное, кардинально пересмотреть наши взгляды на «естественную» полезность любой литературной рецепции.

Список литературы

1. Гумилев Л. Н. Этносфера: история людей и история природы. – М.: АСТ, 2008. – 575 с.
2. Йонас Ганс. Гностицизм (Гностическая религия). – СПб.: Лань, 1998. – 384 с.
3. Карсавин Лев. Очерки средневековой религиозности // История ересей. – М.: АСТ; ЛЮКС, 2004. – С. 9–266.
4. Климент Александрийский. Строматы. – СПб.: Издательство Олега Абышко, 2003. – Т. 2. (Книги 4–5). – 336 с.
5. Кретъен де Труа. Ланселот. Ивэйн. – М.: Ладомир, 2019 – 744 с.
6. Кулиану Йоан. Древо гнозиса: гностическая мифология от раннего христианства до современного нигилизма. – М.: Касталия, 2019. – 314 с.
7. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. – 384 с.
8. Ориген. О началах // Ориген. О началах. Против Цельса. – СПб.: Библиополис, 2008. – С. 41–403 с.
9. Св. Ириней Лионский. Против ересей. Доказательство апостольской пропове-ди. – СПб.: Издательство Олега Абышко, 2008. – 672 с.
10. Свенцицкая И. С. Тайные писания первых христиан. – М.: Изд-во политической литературы, 1980. – 198 с.
11. Сервантес Мигель де Сааведра. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский. – М; Л.: АCADEMIA, 1932. – Т. 1. – 846 с.
12. Творения Святого Епифания Кипрского. Ч. 1 // Творения Святых Отцов в рус-ском переводе. Т. 42. – М.: Типография В. Готье, 1863. – 386 с.

13. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: АСТ, 2017. – 736 с.
14. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: АСТ, 2022. – 288 с.
15. Эко Умберто. Маятник Фуко. – М.: Corpus, 2022. – 832 с.
16. Bernardino, Llorca V. *La Inquisición española y los alumbrados (1509-1667)*. Universidad Pontificia de Salamanca. – 331 p. (Bibliotheca Salmanticensis).

Evgeny A. Tsukanov

The World in the Hands of "Noble" Knights: Gnostic Crash Test from Don Quixote of Lamanche

The work attempts to analyze the great novel by Miguel Cervantes "The Cunning Hidalgo Don Quixote Lamanchsky" with a connection to the logic of Gnosticism, the conceptual schemes of which, apparently, were used in the text of the work as a cipher and allegory. The misanthropic gnostic context provides an opportunity for an alternative reading of the twists and turns of the plot and a cardinal reassessment of the actions of the main characters. Their behavior ceases to delight the reader and is filled with fundamentally destructive meanings. The relevance of such a recalibration of classics is dictated by the desires of modernity, which forces to reprogram the domestic mentality, based on quixotism.

Key words: gnosis, Gnosticism, Don Quixote, deviation, being, reality, good, evil, crash testing.

For citation: Tsukanov, E. A. (2022). Mir v rukah «blagorodnyh» rytsarej: gnosticheskiy krash-test ot Don Kihota Lamanchskogo [The World in the Hands of «Noble» Knights: Gnostic Crash Test from Don Quixote of Lamanche]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4. Pp. 164-175. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2022_4_164

References

1. Bagno, V. E. (2009) «Don Kihot» v Rossii i russkoe donkihotstvo ["Don Quixote" in Russia and Russian Don Quixoteism]. St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).
2. Gumilev, L. N. (2008) *Etnosfera: istoriya lyudej i istoriya prirody* [Ethnosphere: the history of people and the history of nature]. Moscow: AST Publ. (In Russian).
3. Jonas, Gans (1998) *Gnostitsizm (Gnosticheskaya religiya)* [Gnosticism (Gnostic religion)]. St. Petersburg: Lan' Publ. (In Russian).
4. Karsavin, Lev (2004) *Ocherki srednevekovoj religioznosti* [Essays on medieval religiosity] *Istoriya eresej* [History of heresies]. Moscow: AST, LYUKS Publ. Pp. 9-266. (In Russian).

5. Kliment Aleksandrijskij (2003) *Stromaty* [Stromata] T. 2 (Knigi 4-5). St. Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko. (In Russian).
6. Kret'en de Trua (2019) *Lancelot. Ivejn* [Lancelot. Yvain]. Moscow: Ladomir Publ. (In Russian).
7. Kulianu, Joan (2019) *Drevo gnozisa: gnosticheskaya mifologiya ot rannego hoistianstva do sovremennogo nigilizma* [The Tree of Gnosis: Gnostic Mythology from Early Christianity to Modern Nihilism]. Moscow: Kastaliya Publ. (In Russian).
8. Latur, B. (2014) *Pereshborka social'nogo: vvvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory]. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki. (In Russian).
9. Origen (2008) *O nachalah* [About the beginnings] Origen. *O nachalah. Protiv Cel'sa* [About beginnings. Against Celsus]. St. Petersburg: Bibliopolis Publ. (In Russian).
10. Sv. Irinej Lionskij (2008) *Protiv eresej. Dokazatel'stvo apostol'skoj propovedi* [Against heresies. Proof of Apostolic Preaching]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko. (In Russian).
11. Svencickaya, I. S. (1980) *Tajnye pisaniya pervyh hristian* [The secret writings of the early Christians]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. (In Russian).
12. Servantes, Migel' de Saavedra (1932) *Hitroumnyj idal'go Don Kihot Lamanchskij* [The cunning hidalgo Don Quixote of La Mancha]. T. 1. Moscow; Leningrad: Academia Publ. (In Russian).
13. *Tvoreniya Svyatogo Epifaniya Kiprskogo. CHast' 1 (1863)* [Creations of Saint Epiphanius of Cyprus. Part one] *Tvoreniya Svyatyh Otcov v russkom perevode* [Creations of the Holy Fathers in Russian translation]. T. 42. Moscow: Tipografiya V. Got'e. (In Russian).
14. Fromm, E. (2017) *Anatomiya chelovecheskoj destruktivnosti* [Anatomy of human destructiveness]. Moscow: AST Publ. (In Russian).
15. Fromm, E. (2022) *Begstvo ot svobody* [Escape from freedom]. Moscow: AST Publ. (In Russian).
16. Eko, Umberto (2022) *Mayatnik Fuko* [Foucault pendulum]. Moscow: Corpus Publ. (In Russian).
17. Bernardino, Llorca V. (1980) *La Inquisición española y los alumbrados (1509–1667)*. Universidad Pontificia de Salamanca Publ. (Bibliotheca Salmanticensis). (In Spanish).

дата получения: 20.11.2022 г.
дата принятия: 26.11.2022 г.
дата публикации: 30.12.2022 г.

date of receiving: 20 November 2022
date of acceptance: 26 November 2022
date of publication: 30 December 2022